

МАТВЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ТРОИЦКИЙ

КАРЬЕРА ПРОТИВ ТАЛАНТА
(1835 – 1899)

В жизни человека вопрос об отношении к обществу всегда оставляет большие возможности для самых неожиданных решений. В профессиональной карьере М.М. Троицкого таким решением стал выбор между двумя альтернативами — следовать своей тонкой психологической интуиции или отдать предпочтение не очень продуктивному теоретизированию. Он сделал ставку на второе и ... выиграл, по крайней мере, «золото позументов на парадный мундир», ордена на грудь» и «чин тайного советника». Его деятельность совпала со временем коренных государственных реформ начала 60-х гг. XIX в., во многом обусловленных поражением России в Крымской кампании и представлявших собой уникальную по размаху попытку создания в стране чиновничьей прослойки западноевропейского образца. И Троицкий — искренний сторонник позитивистской философии и на этой основе один из идеологов (наряду с К.Д. Кавелиным, Г.Н. Вырубовым, П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским) индустриального общества — оптимально вписался во вновь создаваемую бюрократическую систему в качестве «образцового генерала по философскому ведомству». Его биография, не отмеченная какими-либо особенными событиями и похожая в общих чертах на биографии многих тогдашних философов (например, П.Д. Юркевича, Ф.Ф. Сидонского, В.А. Снегирева), все же представляет собой довольно яркий образец последовательности и целеустремленности, которые, возможно, могли бы найти лучшее применение.

Родился Матвей Михайлович Троицкий 1 августа 1835 г. в глубокой провинции — в семье простого дьякона села Спас-Прогнание Боровского уезда Калужской губернии. С 13 лет он был отдан в Калужскую семинарию, где довольно преуспел в изучении древних языков, что, надо заметить, очень пригодилось ему в дальнейшем, когда пришлось изучать западноевропейскую философскую литературу. Именно в семинарии у него появился первый интерес к психологии: однажды он совершенно случайно обнаружил, что обладает способностью очень ярко представлять в воображении различные сцены и картины (в частности, географические карты), а несколько позже убедился, что способен на самовнушение. В 1853 г., после окончания семинарии, он отправился в Киев с намерением посвятить себя изучению философии и психологии и поступил в Киевскую духовную академию (КДА). В то время, после печально известной докладной записки министра народного просвещения П.А. Ширинского-Шихматова от 26 января 1850 г. «Об ограничении преподавания философии логикой и психологией и возложении сих предметов на профессоров богословия» (в 1852 г. министр уже рапортовал, что «прекращено провозглашение с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии»), только в духовных академиях давалось профессиональное философское образование, второе после богословского.

В КДА были достаточно сильные философы: профессор Д.В. Поспехов читал курсы «Введение в философию», «Логика», «Теория позна-

ния», «Опытная психология» (на основе метафизических учений Э. Бенеке и И.Ф. Гербарта), а П.Д. Юркевич, бывший в то время бакалавром академии и неизменно требовавший от учащихся знакомства с литературой и понимания прочитанного, — курс «История философии». Уже тогда учебные работы Троицкого были отмечены как свидетельствующие о «выдающихся способностях автора к философскому анализу», здесь же начались его углубленные интроспективные опыты. В 1857 г. академия была окончена, причем Троицкий за свое сочинение, имеющее достаточно светское (текстологическое) содержание, «Суждения святых отцов и учителей II и III веков об отношении греческого образования к христианству» был признан вторым учеником курса и в следующем году на основе этого сочинения защитил магистерскую диссертацию по богословию. Оставленный при КДА сначала в качестве преподавателя по классу философских наук («История древней философии») и греческого языка в низшем отделении, в 1859 г. он был назначен бакалавром академии. В это время вместе с преподавательской деятельностью он занимался и собственным психологическим образованием: прослушал курсы в Киевском университете по общей и сравнительной анатомии, по нервной физиологии и патологии. Но работать в КДА было очень трудно из-за невыносимой моральной атмосферы: в Киеве вследствие «всеобщего брожения умов» происходили студенческие беспорядки (1858—1859), а в академии все более усиливался «нечистый дух односторонности и закоренелого беззубого квиетизма»¹. Не удивительно, что Троицкий, решивший честно служить на поприще философии, предпринял ряд шагов, чтобы быть переведенным в Петербургскую духовную академию, но они не увенчались успехом. Наконец, в декабре 1861 г. он окончательно отказался от возможностей богословской карьеры и перешел на государственную службу, сна-

чала во II департамент Министерства государственных имуществ, где и числился (ожидая лишь подходящего момента, чтобы сделать следующий рывок в своей философской карьере) до июня 1862 г. Времени он при этом не терял и написал для журнала «Библиотека для чтения», который был задуман его редактором О.И. Сенковским как энциклопедия образованного русского человека, чрезвычайно интересную и характерную для него статью под названием «Субъективные тоны».

Однажды, как описывает сам Троицкий свои интроспективные опыты, он играл на фортепьяно и вдруг обнаружил, что при ударе по клавише слышится не только звук этой клавиши, но и какой-то еще, едва различимый, «дополнительный» звук. Можно только удивляться музыкальному слуху Троицкого, ведь явление гармонических обертонов веком раньше было зафиксировано в литературе профессиональным музыкантом, композитором и музыкальным теоретиком Ж.Ф. Рамо, о чем Троицкий, скорее всего, не знал, а в его время данной проблемой, используя определенные инструменты, занимались физик Г. Ом, работавший с понятием частоты звуковой волны, и психофизиолог Г. Гельмгольц, применивший резонатор для точного выделения обертонов. Троицкий же опирался исключительно на свои субъективные впечатления: заинтересовавшись явлением обертонов, он стал систематически проверять и другие клавиши, на слух определяя тональность «дополнительных», или «субъективных», звуков, в результате чего пришел к выводу, что в большинстве случаев они на октаву выше основных, от которых они производны. Поставив перед собой цель определить, «как велико число дополнительных тонов» и «можно ли отыскать полную и правильную их таблицу», он совершенно точно установил многочисленный ряд обертонов для основных тонов фортепьяно. Но эти чисто систематизационные вопросы

¹ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 344.

удивительно контрастировали с вопросами причинного объяснения. У Троицкого не возникло сомнений в отношении исходной посылки исследования и стремления проверить ее в научном эксперименте. Такой посылкой выступило положение, что субъективные качества сами по себе не обусловлены процессами материального мира. Для обоснования этого положения он обратился к очень распространенному в философской литературе того времени рассуждению: восприятие цвета, конечно, связано с определенными диапазонами световых волн, но особого качества «синевы» или «красноты» в световых волнах нет, оно имеет только субъективную природу (в действительности особенная качественность «цветов радуги» обусловлена ступенчатостью процесса биологической адаптации к разно окрашенным природным объектам. — *Прим. И. К.*). На основе этой объяснительной модели Троицкий сделал совершенно неверное заключение, что «дополнительные тоны» не порождаются колеблющейся струной, а обусловлены... «устройством нашего слухового восприятия». Все же, чтобы понять личностный контекст такого заключения, было бы совершенно недостаточно сослаться лишь на то, что у Троицкого, возможно, в силу его духовного образования, построенного на систематизации, в принципе, не было сформировано естественнонаучное мышление. Главным, по-видимому, надо признать «художественность» его натуры.

От природы Троицкий обладал замечательными качествами — способностью к эйдетическим представлениям, повышенной сенсорной чувствительностью с хорошей дифференцированностью ощущений, способностью к самовнушению — которые, надо заметить, могли бы привести его к интересным открытиям (в духе тех, что позднее были сделаны в гештальтпсихологии), если бы он выбрал иной, не «профессорский» стиль жизни. Так, в своих «музыкаль-

ных штудиях» он натолкнулся на феномен, вновь переоткрытый и осмысленный чуть ли не век спустя в рамках деятельностного подхода как свойство предметности восприятия². Троицкий дает следующее описание этого феномена: сначала «дополнительный тон» кажется исходящим от той струны, которая при этом колеблется, затем исходящим уже от той струны, которой он соответствует в музыкальном звукоряде, а спустя некоторое время начинает «звучать» с той стороны фортепьяно, на которую обращается внимание, наконец, «звучит решительно в одном ухе». Кстати, научившись выделять «дополнительные тоны» при звучании музыкальных инструментов и человеческого голоса, он даже начал страдать от того, что это стало навязчивой идеей, и ему пришлось приложить много сил, чтобы отвыкнуть от такого выделения. Вообще Троицкий был очень внушаемым человеком, способным работать исключительно с внутренними представлениями, которые неявно связаны с внешними впечатлениями. В силу этого и основной вопрос философии о связи сознания и материи, который так беспокоил и профессионалов, и широкую общественность и которым ему волей-неволей приходилось заниматься, был в действительности ему чужд. Он, как никто другой, готов был встать на позиции «психофизиологического параллелизма», предписывающего психологам заниматься психологическим, а физиологам — физиологическим. Но, обладая даже минимальной культурой естественнонаучного мышления, он смог бы все же отнестись к своим находкам из области субъективного критически (и, соответственно, экспериментально) — систематизационного подхода здесь было явно недостаточно. Значительно позже, в своем итоговом психологическом труде «Наука о духе» Троицкий вспоминает (не без некоторого сожаления) о своих многочисленных интроспективных опытах, которые так и не получили серьезного

² *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 246.

развития: еще задолго до массового увлечения гипнотизмом в России он обратил внимание на то, что человек может сознательно регулировать деятельность своих внутренних органов; подметил активизацию мышц гортани и язычка, происходящую при мыслительной деятельности; приступил к изучению эйдетических представлений, условий их возникновения (в частности, отметил легкость их появления при открытых глазах) и динамики взаимодействия. Но все это осталось в виде «заготовок», которыми, кажется, так никто и не воспользовался. А сам Троицкий из-за появления перед ним новых жизненных горизонтов, связанных с университетской карьерой и задачами создания «государственной психологии», по-видимому, уже не имел возможности для слишком углубленного самопознания.

Среди других государственных преобразований была и реформа образования. Новый министр народного просвещения А.В. Головин в рамках подготовки университетского устава (который был принят в 1863 г.) обосновал необходимость восстановления университетских философских кафедр «при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века». При этом было решено возобновить практику обучения будущих российских профессоров в европейских университетах, существовавшую до 1830 г. К этому моменту М.М. Троицкий уже перешел (18 июня 1861 г.) на службу в систему народного просвещения и сразу же был отправлен вместе с С.П. Автократовым и М.И. Владиславлевым «за обязательную службу в заграничную командировку с ученой целью». Эта командировка проходила с 23 июня 1862 г. по 1 октября 1864 г. в ряде крупнейших университетов Германии: в Йене он слушал лекции гегельянца К. Фишера по истории новейшей философии; в Геттингене —

Р. Лотце, стремившегося объединить идеализм и естественные науки, и Г. Тейхмюллера, дававшего обзор по философским системам Э. Бенекке и И.Ф. Гербарта; в Лейпциге — Г.Т. Фехнера (интересно, что Троицкий нашел у него только «спекуляции и вычисления») и М. Дробиша по психологии. Правда, здесь у Троицкого было очень мало времени, чтобы действительно освоить прослушанные им курсы, основной своей задачей он считал подготовку собственных курсов по истории философии, психологии и логике, с которыми он должен был возвратиться. И лишь в России он смог действительно серьезно приступить к анализу (уже не беспристрастному) всего накопленного материала.

Как отмечал сам Троицкий, во время написания «Немецкой психологии» (опубликованной в 1867 г.), ставшей итогом его командировки, он пережил сильнейший умственный кризис, приведший к смене авторитетов: если в Германию он отправился метафизиком, симпатизировавшим немецким философам, то теперь стал ярким их противником. Поводом для его критической переоценки послужило то обстоятельство, что в этих системах человеческой душе приписывают некие изначальные, существующие до опыта, способности, вместо того чтобы рассматривать их как результат развития души. Несколько позже В.В. Розанов обозначил задачу этого труда следующим образом: «Она несомненно заключалась в том, чтобы побудить наше общество... к изучению английской литературы. Но эта положительная и хорошая сторона его научной деятельности была совершенно заслонена отрицательной, именно полемикой против германской философии, от изучения которой, по его мысли, нужно было предварительно отвлечь наше общество»³.

Композиционно «Немецкая психология» была построена на противопоставлении двух

³ Розанов В.В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии // Вопросы философии и психологии. 1890. № 3. С. 11.

подходов: дедуктивного и индуктивного. Троицкий, вообще склонный к психологизации логики, такое противопоставление обосновал следующим образом. Одни люди («умы терпеливые») в силу естественных склонностей «показывают особую чуткость к тому, что есть в действительности, для них есть особое очарование в том, чтобы узнавать то, что создала природа, удивляться величию мира и его Творца»; такими людьми создается эмпирическая, или индуктивная философия. Другие же люди («умы нетерпеливые»), напротив, имеют «особую чуткость к абстрактным элементам нашего мышления и тому, что из этих элементов может быть создано, и они полагают, что для остроумного таланта достаточно немногих фактов, чтобы извлечь из них богатые последствиями выводы»; это создатели рационалистической, или дедуктивной, философии. Что касается дедукции, то ее Троицкий знал прежде всего в объеме курса духовной семинарии, где она была представлена «схоластическим силлогизмом» (например, «если существует Троица, то человек — трехчастен и состоит из тела, души и духа»), в котором главная посылка должна приниматься на веру. Открывший для себя эмпирическое богатство психических процессов, Троицкий уже не хотел ограничиваться только верой, и поэтому его окончательный выбор был сделан в пользу индуктивного метода, служащего для обобщения единичных фактов. Его идейными учителями были представители английской эмпирической философии, понятийно оформившие индуктивный метод (Ф. Бэкон, Дж. Локк), и психологи ассоциативного направления (Д. Юм, Д. Гартли, Т. Браун, А. Бэн). Правда, приняв сторону английской философии, Троицкий не стал долго разбираться, в чем суть и новизна других подходов, в частности, немецких диалектиков, обозвал их «метафизическими учениями» и совершил тем самым, по словам А.А. Козлова, «произвольное и бесцеремонное

надругательство над немецкой философией»⁴. При этом он, конечно, просмотрел убийственную критику английского эмпиризма, прозвучавшую в немецкой философии, и продолжал считать «наличные состояния сознания» действительным началом истинной умозрительной философии.

Книга после публикации имела огромный успех, причем не только у просто читающей публики, но и у профессиональных философов, что было обусловлено именно ее полемической заостренностью против схоластики, прежде всего религиозной. Но вынесенная на официальную защиту в качестве диссертации, она встретила и категорические возражения. М.М. Троицкий надеялся, что защита пройдет в Москве. В это время кафедрой философии в Московском университете возглавлял П.Д. Юркевич, приглашенный туда из КДА в качестве первого пореформенного профессора. Но Юркевич, вопреки тому благожелательному отношению к Троицкому, которое у него сложилось еще в КДА, не считал возможным провести защиту этого труда, так как считал критику немецкого идеализма «не только не желательной, но и прямо ошибочной и опасной». Поэтому Троицкий получил следующий, очень выразительный и достаточно обоснованный ответ Юркевича: «Если бы я одобрил Ваш труд, то меня сочли бы варваром... действительные знатоки философии и все научно образованные люди; особенно же я знаю, что мне пришлось бы нести тяжесть ответственности за честь университета»⁵. Он, конечно, не стал переделывать свой солидный труд и восстанавливать честь немцев, как предлагал Юркевич, а «пошел в обход» — направил свою диссертацию в Санкт-Петербургский университет. Здесь Совет университета утвердил в качестве оппонентов профессора Ф.Ф. Сидонского, знатока немецкого идеализма, и в то же время рьяного сторонника свободомыслия и старого

⁴ Козлов А.А. О последнем сочинении проф. М. Троицкого «Наука о духе» // Русская мысль. 1883. № 4. С. 1.

⁵ Ивановский В.Н. К характеристике М.М. Троицкого // Вопросы философии и психологии. Кн. 52 (2). 1900. С. 205.

знакомого Троицкого по заграничной командировке М.И. Владиславлева. С самого начала было ясно, что они дадут благоприятные отзывы, так оно и получилось. Сама же защита, прошедшая 31 мая 1867 г., «имела огромный успех». Троицкий, удостоенный степени доктора философских наук, мог теперь серьезно заняться вопросом своей «философской вотчины».

Еще до защиты М.М. Троицкий получил приглашение занять кафедру философии в только что открывшемся (1865) Одесском университете, но отказался, отдав предпочтение Казанскому университету. Здесь 1 сентября 1867 г. он приступил к работе в качестве экстраординарного профессора, а 12 июня 1868 г. был утвержден в качестве ординарного профессора. Но Казань, город все-таки провинциальный, не отвечала ни амбициозным, ни эстетическим требованиям Троицкого. Спрос на профессоров философии был в это время достаточно велик, и Троицкий мог выбирать между университетами Киева, Харькова и Варшавы. Среди этих университетов Императорский Варшавский университет был на особом положении. После восстания в Царстве Польском (1863–1864) открытием этого университета решались прежде всего националистические задачи российского самодержавия. Созданный еще на основе польской Главной школы, закрытый в 1831 г., он вновь был открыт лишь в октябре 1869 г., причем в условиях насильственной русификации (преподавание только на русском языке, очень высокие стипендии и низкие требования к качеству образования). Троицкий, ориентируясь, по-видимому, на политическую подоплеку такого выбора, решил сменить Казанский университет на Варшавский, куда и был перемещен сразу после открытия последнего.

В Варшавском университете преподавательский дар Троицкого, основанный не столько на логике, сколько на риторике, проявился со всей

силой. Очень выразительную картину его лекций можно найти в воспоминаниях варшавских студентов: «Когда Троицкий читал свои лекции, то было истинным наслаждением не только слушать, но и смотреть на него: вы почти видели, как у него возникали в голове мысли, которые он старался в изящной и понятной форме сейчас же изложить своим слушателям. Про него можно сказать, что он разжевывал науку и вкладывал ее в головы студентов»⁶. Правда позже, уже в Москве, тот же стиль преподавания вызывал хотя и похожую, но по акценту совсем другую реакцию: «Профессор, знакомя нас с чужими мыслями, стремился приблизить их к своему идеалу и так вываривал и очищал их в своей голове, что они становились удивительно прозрачны, но все органически живое было в них убито»⁷. Надо добавить, что в Варшаве он читал «Историю древней философии», заканчивая ее Аристотелем («Историю новой философии» читал Г. Струве), и «Психологию». Так продолжалось до 1874 г., когда в связи с внезапной смертью Юркевича открылась вакансия на кафедре философии в Московском университете. И Троицкий, конечно, не мог упустить такой шанс.

По кафедре философии историко-философского факультета Московского университета было объявлено две вакансии — профессора и доцента, но подано три заявки. Факультетский профессор церковной истории А.М. Иванцов предложил М.И. Каринского в качестве профессора, но тот к этому времени, несмотря на надежды, на него возлагаемые, защитил лишь магистерскую диссертацию, и поэтому его кандидатура отпала сразу. Профессор истории русской литературы Н.С. Тихонравов порекомендовал Троицкого, а профессор всеобщей истории В.И. Герье—Вл.С. Соловьева, который учился у Юркевича и был признан на кафедре наиболее подходящим его преемником. При рассмотрении этих двух кандидатур члены Совета факультета

⁶ Тур К.Н. Студенческие годы (воспоминания о Варшавском университете) // Русская старина. 1912. кн. 9. С. 409.

⁷ Колубовский Я.Н. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Апрель. С. 135.

пришли к совершенно обоснованному заключению, что такие разные — и по общественному темпераменту, и по философскому мировоззрению — люди не смогут сработаться на одной кафедре. Подавляющим большинством голосов они забаллотировали Троицкого и провели на должность доцента Соловьева, с тем условием, что он будет отправлен в заграничную командировку для написания докторской диссертации и подготовки к профессорскому званию. Стоит только поражаться настойчивости Троицкого, который и при таком «раскладе» не отступил от своего намерения обосноваться в столице и стал действовать «сверху», через Совет университета, ожидая поддержки своей позитивистской философской платформы со стороны естественников. Кроме того, здесь у него были влиятельные союзники: Н.С. Тихонравов, профессор истории западноевропейской литературы Н.И. Стороженко, декан медицинского факультета (и тесть Троицкого) А.И. Полунин и главным образом профессор Н.В. Бугаев, по-видимому, единственный из профессоров Московского университета бывший с Троицким в близких, дружеских отношениях, основанных и на общих впечатлениях от германских университетов, и на увлечении позитивизмом. Правда, в целом стремление профессоров поддержать Троицкого было обусловлено не столько их философскими симпатиями, сколько нежеланием «пропустить ректорского сынка» Соловьева. В результате Совет университета вынес следующее решение: назначить профессором Троицкого, а доцентом — Соловьева, перекрывая ему тем самым путь к заведению кафедрой (после возвращения из командировки Соловьев смог лишь год продержаться на кафедре и уехал в Петербург, «не желая участвовать в борьбе партий между профессорами»).

Итак, 25 августа 1875 г. М.М. Троицкий был утвержден ординарным профессором кафедры философии, где и развернул интенсивную деятельность, направленную на подготовку психологически (и идеологически) образованных кадров для государственного аппарата России. Подобная деятельность вполне соответствовала

интересам и амбициям Троицкого, но и для функционирования государственной системы назначение позитивиста на вторую по величине в стране кафедру философии было хорошим решением. Ведь перед другими философскими течениями России конца XIX в. у позитивизма было то преимущество, что по своей сущности он ориентирован прежде всего на практическую деятельность, он технократичен, но при этом и «законопослушен» и в целом достаточно оптимально подходит на роль государственной идеологии. Правда, по чиновничьей ограниченности возникали все-таки вопросы о лояльности позитивизма по отношению к власти. В частности, в начале 80-х гг. Троицкому пришлось срочно съездить в Санкт-Петербург, чтобы дать объяснения, благосклонно принятые, и заверить, что «эмпирическая психология» не имеет ничего общего с атеизмом и что сам он всегда был религиозен и благочестив.

В Москве преподавательская деятельность Троицкого проходила почти так же успешно, как и в Казани или Варшаве. Оставаясь на протяжении десятилетия единственным профессором на кафедре, он должен был сам читать все курсы: «Логика», «Психологию», «Философию права» (для юристов) и «Историю философии» (древней, средних веков, новой, английской и немецкой). Как и раньше, он пользовался популярностью и у студентов, и у преподавателей. Аудитории, где он читал, были заполнены до отказа (присутствовало более 200 человек), а его лекции, полные сарказма и иронии по отношению к его идеологическим противникам, встречались «на ура» и заканчивались бурными аплодисментами. Правда, объяснялся этот успех прежде всего стилем преподавания, а не учением Троицкого. Те студенты, которые действительно интересовались философскими проблемами (например, В.В. Розанов, который несколько позже первый свой научный труд «О понимании» направил против позитивизма, братья Е.Н. и С.Н. Трубецкие), оценивали его лекции совершенно иначе. Так, Е.Н. Трубецкой, в частности, писал: «Троицкий... был в высокой

степени ограниченный, а при этом и чрезвычайно невежественный в истории философии человек. Он уснащал свои лекции дешевым и плоским глумлением над германскими философами; но сама азбука немецкой философии была ему совершенно не известна... Изругав с безвкусыми шуточками «метафизику», Матвейка затем очень ясно излагал либо логику Милля, либо современные психологические учения, преимущественно английские, т.е. все, что он знал, причем он достигал ясности, систематически пропуская все трудности»⁸. А Н. Котляревский к этому добавлял: «Он не оставлял ни одной сколько-нибудь сложной мысли, не упростив ее до неузнаваемости, и так утрамбовывал для нашей мысли дорогу, что самые хитрые системы с их недостижимыми вершинами и безднами казались нам совсем гладкой плоскостью. Мы бывали в восторге от этой ясности»⁹.

Надо все-таки признать, что Матвей Михайлович очень тщательно готовил свои курсы, что вообще-то не было свойственно московским профессорам, которые, скорее, ориентировались на экспромты, чем на обстоятельное прописывание лекций. Троицкий же из года в год перерабатывал свои курсы, стремясь достичь предельной ясности: как он говорил, лекции надо составлять так, чтобы из каждой мог выйти хороший ответ студента на экзамене¹⁰. В результате этой, скорее, редакторской работы появились его литографированные курсы по психологии, в них он дал новое выражение тем мыслям, к которым пришел еще в конце 60-х. На этих курсах стоит остановиться несколько подробнее, чтобы понять правоту Л.М. Лопатина, который характеризовал их как «странную смесь эмпиризма и богословия»¹¹. Эти курсы были построены достаточно четко, по схеме, которая и в дальнейшем очень часто использовалась другими: определялся

предмет психологии (это «наука о явлениях духа, а не о его сущности, которая решительно непостижима для человеческого ума»), давалось обоснование исследовательского метода («интроспективный анализ и индуктивное обобщение, приводящее к формулированию закона последовательности и преемственности», «теперь мы еще не в состоянии построить дедуктивную психологию»), описывались основные психологические законы, в качестве которых фигурировали законы ассоциаций — по сходству, смежности и причинности, предлагалась классификация разделов психологии и давался очерк истории психологии. Центральным моментом было, конечно, описание «духа». Стремление буквально следовать установке эмпиризма не признавать за душой изначального содержания привело Троицкого к следующему положению: «Все, что постепенно формируется в нашем духе, все это формируется вследствие известных условий. Затем все сформировавшееся в нашем духе продолжает существовать только потому, что продолжают существовать условия его образования. Впечатления в период времени, протекающий между их оригинальным существованием и воспроизведением в форме идей, абсолютно не существуют в духе... Память есть вещь несуществующая». Другими словами, эта мысль может быть выражена так: душа наполняется содержанием каждый момент заново, в соответствии с тем контекстом, в котором она существует, ничего в него не привнося (в принципе, в качестве такого контекста может выступать и органический мозг, и всеобщая мировая душа). Интересно отметить, что такое определение души очень близко буддистскому канону.

Реализуя заложенный в эмпирическом подходе принцип «экономии мышления», достаточно естественно было прийти к теории психофизиче-

⁸ Грубецкой Е.Н. Воспоминания. София. 1921. С. 73.

⁹ Котляревский Н. Старинные портреты. СПб., 1907. С. 437.

¹⁰ Белкин А.С. Матвей Михайлович Троицкий. М., 1900.

¹¹ Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 132.

ского параллелизма. В соответствии с этим Троицкий понимал «дух» как неизвестную (но при этом нематериальную) субстанцию, которая, так же как материальные объекты, предстает субъекту лишь в своих явлениях. Но теория психофизического параллелизма не является естественнонаучной теорией, она имеет методологический статус: для субъекта познания открыто лишь его собственное сознание, а чужое сознание, так же как и материальные объекты, фиксируется лишь как внешнее, или телесное, и, соответственно, «психическое» или «материальное» определяются лишь позицией наблюдателя, его обращенностью либо на самого себя, либо на иное. Но Троицкий недостаточно хорошо разобрался в различиях метода и предмета, поэтому при обращении к рассмотрению «основного вопроса философии» он... несколько запутался и предложил сразу три его решения. С одной стороны, он, совершенно в духе эмпирического подхода, постулировал, что «вещественное и духовное — это два порядка наших внутренних состояний или состояний нашего сознания». Правда, к этому он добавил ряд признаков, случайных для эмпиризма: «В одном (порядке внутренних состояний. — Прим. И. К.) мы видим мир, от нашего духа независимый, а в другом — собственные действия своего духа», при этом «явления духа есть явления самому себе... в отличие от материальных явлений, внешних для нашего сознания» (ср. описание признаков мыслящей и немыслящей субстанции Декарта), «явления физические постоянно наблюдаются... в формах пространства и времени, явления психические, наоборот, представляются нам только в одной форме преемства времени... Ведь мы не можем себе представить, чтобы мысли человека допускали перемещение из одной головы в другую, чтобы они могли встречаться друг с другом в пространстве» (ср. признаки протяженной и непротяженной субстанции Декарта). С другой стороны, Троицкий был вынужден признать, что «ощущения зависят обычно от причин, внешних человеческому духу, от физических причин». И наконец, он вдруг заключил: «Позволительно думать, что

первоначальная роль деятеля принадлежит скорее духу, что материя играет скорее роль органа». Это называется начать за здравие, а кончить за упокой, опираясь на методологию эмпиризма, постулируя научную значимость только наблюдаемых явлений, прийти... к метафизике и спиритуализму.

О том, что под официальным («позитивистским») мундиром Троицкого скрывался тонко чувствующий спиритуалист, можно было догадываться и по его лекциям или книгам, но особенно ясно это стало после его смерти, когда один из его близких учеников, В.Н. Ивановский, упомянул, что в бумагах своего учителя среди научных набросков («Опыт исследования экспериментального доказательства», «Психология сна», «Основы метафизики») он наткнулся на черновики двух философских поэм. В одной из них («Образы вечности») прослеживалось влияние восточного мистицизма; Троицкий изображал загробную жизнь духа как некую эволюцию, осуществляющуюся в последовательных переходах от мира элементов физических и психических (душ-монад) к миру ощущений, затем — к миру представлений, наконец — к миру непосредственной интуиции.

Так или иначе в лекциях Троицкого по психологии обнаруживается довольно прихотливое сочетание разнообразных подходов к психическому: вопреки эмпирической установке (которая в полном объеме вообще неисполнима) им были введены некоторые теоретические конструкции, противоречащие друг другу («обусловленность духовных процессов материальным» — «творящая природа духовного», «закон ассоциации идей» — «невозможность взаимодействия мыслей» и пр.). Все это было очень показательным для Троицкого-теоретика, не владевшего ни естественнонаучной методологией, ни диалектикой теоретического мышления. Но его статус (а возможно, и его мнение о себе) обязывал заниматься созданием основ психологической науки, что он и делал достаточно обстоятельно. Так появился итоговый труд его жизни «Наука о духе», изданный в 1882 г.

Эта книга прошла почти незамеченной: сама тема у читающей публики вызывала, скорее, метафизические ассоциации и не воспринималась как актуальная или самобытная, а язык изложения был столь плох, что даже начавшие читать данный труд бросали это занятие на полпути. Вл. Соловьев вообще был о Троицком того мнения, что «из оставленных им сочинений... никакой западный европеец ничему бы не научился». Лишь действительно интересующиеся психологией, причем психологией не рассудочной, а касающейся реальности психического, достаточно высоко оценили этот труд (например, А. Белый, Б.Г. Ананьев) прежде всего за то, что в нем Троицкий описывал, вспоминая дела давно прошедших дней, свои интроспективные опыты. Ориентируясь на построение (в духе Спенсера) всеохватывающей систематизационной психологической системы и старательно отбирая лишь те психические феномены, которые минимально связаны с внешним миром, а соотносимы — через законы ассоциаций — лишь с другими психическими феноменами, Троицкий достаточно подробно описал часть из них. При этом поражает его интуиция в трактовке некоторых таких феноменов. Так, он рассмотрел мотивацию как основанную на эмоциональных процессах, прежде всего на чувствах приятного и неприятного; в качестве источника формирования мышления указал наряду с ощущениями чувства и волю; трактовал пространственное восприятие как основанное на ассоциации разномодальных ощущений; указал на роль эталонов при восприятии; проанализировал влияние знака эмоций на ощущения и соматику; дал понимание чувства «космического» как основы нравственной оценки, а чувства «сходства — различия» как основы эстетической оценки и др. Но среди этих интуитивных открытий, которые были «запатентованы» значительно позже уже другими психологами, можно встретить и достаточно курьезные. В частности, он полагал, что

формирование речи в детском возрасте происходит посредством последовательного освоения слогов, которые один за другим присоединяются к освоенным ранее. Но все эти конкретно-психологические описания были даны Троицким очень фрагментарно и разрозненно, и они совершенно терялись за его «метафизическими» рассуждениями и стремлением дать законченную систему психологии. Теоретические построения мало отвечали душевному складу и мыслительному потенциалу Матвея Михайловича, но требования его статуса и карьеры постоянно заставляли его заниматься не теми делами, для которых он был рожден.

В 1880 г. М.М. Троицкий стал деканом историко-филологического факультета (первый срок кончился в 1884 г., второй охватывал период 1889—1891 гг., третий — 1893—1894 гг.; с 1895 по 1896 г. он был ректором Московского университета). Новые строгости столичных ведомств, начавшиеся в 1880-х гг., во многом перечеркнули реформаторские начинания пореформенного десятилетия и существенно сказались на атмосфере Московского университета. По свидетельству очевидца, теперь «студенческая жизнь, столь шумная в конце 70-х, плелась как-то вяло, в атмосфере ученого маразма... Это было время страхов, подозрений и строгостей»¹². В 1884 г. был введен новый университетский устав (покончивший с автономией устава 1863 г.), по которому логика и психология были изъяты со всех факультетов, кроме историко-филологического, а философия была редуцирована до истории античной философии (Платон и Аристотель), кафедра же истории философии и права была вообще упразднена. Но Троицкого эти обстоятельства, по-видимому, мало затрагивали. Человек по натуре достаточно замкнутый, не очень склонный к дискуссиям, он в соответствии со своими новыми административными обязанностями вынужден был достаточно интенсивно общаться с профессорами университета. Отчасти в результате этого общения стало

¹² Котляревский Н. Старинные портреты. СПб., 1907. С. 429.

возможным исполнением давнего намерения российских философов создать Философское общество, не осуществившееся в 1879 г. в Петербурге из-за противодействия министра народного просвещения Д.А. Толстого, посчитавшего эту «затею праздной и вовсе не нужной для российского общества». Но в Москве выждали момент, пока не был назначен новый министр, И.Д. Делянов, и для верности «сменили вывеску», предложив назвать общество психологическим. Идея создания Московского психологического общества объединила — под предводительством Троицкого — таких видных профессоров Московского университета, какими были Н.В. Бугаев (математика), Д.Н. Анучин (антропология), А.П. Богданов и С.А. Усов (зоология), Ф.П. Шереметьевский (физиология), А.Я. Кожевников (невропатология), В.А. Легонин (судебная медицина), Н.А. Зверев, М.М. Ковалевский и Г.Е. Колоколов (обществоведение), С.А. Муромцев (юриспруденция), А.И. Чупров (экономика), В.Ф. Миллер (фольклористика), Ф.Ф. Фортунатов и Н.И. Стожаров (языковедение). Они обратились с ходатайством о создании Общества, 15 июля 1884 г. устав Общества был утвержден, а 24 января 1885 г. (день открытия Общества) прошло организационное заседание, на котором был утвержден совет и выбраны председатель (Троицкий), секретарь (Зверев) и товарищ секретаря (Анучин). Местом для проведения закрытых заседаний было определено новое здание университета, а для проведения публичных — старое.

С созданием Московского психологического общества, в чем, безусловно, очень велика заслуга Троицкого, в России появилась возможность действительно широкого образования философских и психологических кадров, которое не было сковано рамками учебного процесса и в принципе могло строиться на основе дискуссий, предлагающая трибуну и для решения содержательных проблем, и для выработки философского языка. На заседания Общества стали выноситься защиты

докторских и магистерских диссертаций. Правда, в самом начале, еще при Троицком, который был «человеком ума холодного, кабинетным ученым» и «не обладал теми качествами, которые требовались для объединения людей разных течений»¹³, дело не пошло, заседания Общества были редки и особого внимания не привлекали. Лишь с приходом в Общество в качестве председателя Н.Я. Грота с его ярким темпераментом все содержание изменилось.

В повседневной работе Общества Троицкий участвовал не очень много. Определенный интерес имеет лишь его доклад «Современное учение о задачах и методах психологии», прочитанный на заседании Общества 14 марта 1885 г., в котором он очень определенно высказался о первенстве психологии как «естественного центра других наук, определяющего цели для морали и права», и признал второе место за педагогикой. По его мнению, для успешной разработки психологии необходима интеграция как биологических, так и социальных наук. Между делом он упомянул и о некоторых конкретно-психологических механизмах, которые тогда не были оценены. В частности, он указал, что бессознательные процессы представляют собой «факты слабого и неясного сознания», что язык является ключом к разгадке всей истории культуры человека. Очень интересны его мысли о рефлексии, об индивидуальных различиях, о роли единства чувств, воли и ума личности, о мозговых коррелятах психических нарушений, о психологии растений и т. д., но все это не получило развернутого обоснования и развития. На этом же заседании Общества было принято принципиальное решение об издании трудов членов Общества, но вопрос о периодическом издании, которым стали «Вопросы философии и психологии», был положительно решен лишь 3 декабря 1888 г., когда А.А. Абрикосов, фабрикант и меценат, предложил взять на себя все расходы, связанные с изданием.

¹³ Колубовский Я.Н. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Апрель. С. 135.

С.Н. Танеев. 1880 г.

Главный вход в Большой зал
Московской консерватории
(современная фотография)

В 1886 г. кончился срок обязательной службы М.М. Троицкого, и его преемником на кафедре философии, а также в Психологическом обществе стал Н.Я. Грот, в котором чуть раньше Троицкий обнаружил своего сторонника. Сам же он уехал на два года за границу, вероятно, поправить здоровье. По возвращении из-за границы, отойдя от слишком беспокойных и опасных философских дел, он смог заняться тем, что ему нравилось более всего — написанием книг (по логике) и преподаванием. До последних дней своей жизни он вел курс логики в университете, курсы педагогики в Первой женской гимназии и курсы по эстетике и истории искусств в Московской консерватории, где благодаря усилиям С.Н. Танеева собрался очень сильный состав преподавателей-гуманитариев (С.А. Юрьев, М.С. Корелин, Н.В. Самсонов и др.). Среди этой повседневной работы было одно замечательное событие: в августе 1889 г. в Париже проходил первый Международный конгресс по психологии, на котором российская делегация, вторая по численности после французской, была представлена Троицким, избранным в число почетных председателей съезда и председателем секции наследственности (по предложению Т. Рибо, в свое время писавшего, так же как и Троицкий, про английскую психологию), и Гротом.

Так, среди больших и малых дел подошел 1899 г., еще раз доказавший, что и хорошо отлаженный государственный механизм не гарантирован от иррациональности бунта. В связи с расправой полиции над студентами 11 февраля началась студенческая забастовка сначала в Петербурге, а затем и в большинстве других учебных заведений России. Первый подъем выступлений московских студентов пришелся на 15–22 февраля, а второй — на 15–16 марта. Правительство пошло на то, чтобы закрыть Московский университет до 22 марта, слушателей уволить, а самых актив-

ных — выслать. Всего было уволено и выслано более 2 тыс. человек, а в ночь с 20 на 21 марта арестовано и выслано почти 400 человек. И за этими событиями немногие заметили, что 22 марта скончался Матвей Михайлович Троицкий, заслуженный профессор Московского университета, организатор Московского психологического общества, один из «восстановителей преподавания светской философии в российских университетах после разгрома 1850 года» и автор грандиозных систематизационных трудов по психологии. Похоронен он был на кладбище Донского монастыря.

И.М. Кондаков